

**ЧИТАЙТЕ КНИГИ
ВЛАДИМИРА СОТНИКОВА:**

«Уходящая улица»

«Хозяин времени»

«Улыбка Эммы»

«Холочье»

«О́на»

ВЛАДИМИР СОТНИКОВ

УЛЫБКА ЭММЫ

Москва
RUGRAM
2021

УДК 82-312.9
ББК 84(4Рос=Рус)6-44
С67

Издание подготовлено при содействии
Литературного агентства и школы «Флобернум»

Миссия «Флобернума» — открывать звезды и дарить их людям,
чтобы жизнь стала ярче

Сотников, В.

С67 Улыбка Эммы / Сотников В. — М.: Флобернум / RUGRAM,
2021. — 256 с. — (Exclusive Prose).

ISBN 978-5-521-92332-8

С первым героем романа «Улыбка Эммы» происходят события, не объясняемые привычной логикой. Он остается жив во время раскулачивания. Не гибнет в завале шахты. Пули не убивают его на войне. Он не тонет, наводя понтонные переправы через Днепр, Вислу, Одер. Невредимым проходит через абсолютное зло, оберегаемый силой, не понятной ему самому. И та же сила хранит второго героя книги — его сына — уже в наше время.

Повесть «Времена года» связана с музыкой не только названием, но и звучанием прозы.

BIC FA
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-92332-8

© Владимир Сотников, текст, 2021
© ООО «Флобернум», 2021

УЛЫБКА ЭММЫ

Роман

Бог видит не всё.

Помню свою детскую жалость оттого, что заметил: умные умолкают первыми.

Во время взрослых разговоров я любил слушать отца, но он всегда мрачнел, словно утомляясь, и постепенно оставались звучать наверху лишь чужие слова. А я, маленький, переводящий снизу взгляд с одного человека на другого, оставался в недоумении, глядя на лицо молчащего. Ну что же ты, говори, словно просил я. Мне так нравится тебя слушать! А он почему-то от-малчивался, и мне казалось, что лицо его без всякого зеркала смотрится само в себя — взгляд становился не потухшим, а возвращенным, и обратный путь взгляду нравился больше.

Таким чаще всего в моей памяти появляется отец. Говори, хочется мне сказать, обернувшись не только во времени, но как бы и вдогонку. Говори!

Почему память бережнее всего хранит его усталое молчание?

И сейчас, словно в отместку не услышанному во-время или просто потому, что близится время моего умолкания, — я говорю за двоих.

Жизнь моя началась в отцовский день рождения. Во всяком случае, через девять месяцев, с небольшой

поправкой на лунный календарь, после тридцать четвертого дня рождения отца родился я.

Особенного смысла я в этом не вижу, как не вижу и полного его отсутствия. Я убеждался на каждом шагу своей жизни в том, что достаточно было лишь о чем-то подумать, как мгновенно это подуманное становилось значительным хотя бы в смысле своего существования. Иногда даже назойливо значительным. Например, обыкновенную тряпичную ленточку, которая болталась за окном, когда я смотрел на нее, лежа в детской кроватке, я постепенно, из-за частого воспоминания, связал с целым миром. Истлевшая, бесцветная ленточка, которую оставалось в то время лишь дернуть вниз, и она рассыпалась бы в прах, всю мою жизнь всплывала перед моими глазами, как только я оказывался на краю пропасти. Ленточка, колыхнувшись от ветра, словно напоминала: зря я, что ли, болталась перед тобой в детстве? Зря? И я останавливался, не доходя до края. Ленточку становилось жалко.

Так есть ли смысл в том, что жизнь моя началась в день его рождения? Не знаю. Но, думая об этом, я поневоле или, наоборот, по своей воле стал считать себя неким двойным человеком. Я это он. И время, даты, совпадения не так важны. Теперь оказалось, что важно не сказанное вовремя. А должно быть сказано, чтобы наконец стать увиденным.

А может, потому он и умолкал — чувствуя, что я буду говорить за него? Вот я и говорю.

ЧАСТЬ I

Темно и тихо, в доме лишь тикают часы. Это идет время. Секунда за секундой. Может быть, где-то среди звезд так же отсчитываются и годы? И мои тридцать четыре года? Здесь это целая жизнь, а там — мгновение. Интересно, с каким звуком оно пронеслось? Как прозвучали там жизни моих ровесников, с которыми мы в сорок втором ушли из деревни и уже через несколько дней бежали гурьбой на немецкие пулеметы с деревянными винтовками в руках? Где они? Я думаю о них каждую ночь под утро и представляю темное небо с россыпью звезд. Они — там? Не знаю. Но если спрашиваю, если думаю об этом, то это может быть.

Мои воспоминания — это время. И слова, которые при этом проворачиваются во мне — тоже время. Оно не только проходит мгновениями, минутами, часами, годами, но и собирается словами, как звезды из звездной пыли. Кому я говорю, представляя темное небо над домом?

И стало легче на душе от этой мысли. Тяжесть ночи растворилась, исчез мутный и мучительный сон, я улыбнулся своему умению спасти себя от тяжелых мыслей. Надо подумать, как думал когда-то в детстве,

стараясь все объяснить, и тогда все становится не так мучительно непонятно.

Когда-то это впервые пришло ко мне неожиданным открытием, будто я шел-шел, оступился, встрепенулся и очнулся. Во время беспросветных раздумий о том, что же я такое, что такое жизнь и кто я, — вдруг представил ясно и по-детски свой дом и себя в тесноте стены как бревнышко. Но быть бревнышком мне не очень понравилось, и я представлял себя и окном, и краем крыши, и ласточкиным гнездом — этот выбор уже увлекал, смешил. Тревога растворилась, и страх перед непонятностью жизни прошел.

А лучше всего было в лесу или в поле. Я уподоблялся деревьям и травам, удивляясь и радуясь этому сходству.

И танки в беззвучном приближении, когда они ползли к высотке, на которой я лежал, окопавшись, стали похожими на детские машинки, перевернутые мыльницы, и мертвенный страх превратился в мысль: если буду жить, то всегда.

Сейчас я привык или даже полюбил выходить из дома перед рассветом, чтобы посмотреть на поле возле леса. Оно точь-в-точь такое же, как и то военное поле с ползущими в шахматном порядке танками — широкая низина, поднимающаяся к высотке с березами. Надо же было построить свой дом в этом месте! Ведь сходство я увидел уже потом, когда дом вырос.

Нас был взвод. Несколько противотанковых ружей. И мы начали стрелять издалека по этим танкам. Их было штук двадцать. Слышно было, как бьют пули пэтээр по броне, отлетая рикошетами. Ясно было, что танки нас раздавят — немцы всегда так поступали с пэтээрщиками. Да и со всеми остальными, кто в них